

УДК: 821.161.1

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ – ЛЕОНИД АНДРЕЕВ:
ЖИЗНЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
И ТВОРЧЕСКИЕ ПЕРПЕНДИКУЛЯРЫ

Икитян Людмила Нодариевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Института педагогического образования
и менеджмента (филиал) в г. Армянске
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
296012, РФ, Республика Крым, г. Армянск, м-н им. Корявко, д. 21, кв. 74,
тел.: +7 (36567) 3-29-58, e-mail: ludmilkatiran@mail.ru*

В статье в биографическом, общественном и литературном контекстах сопоставляются жизне-творческие дискурсы Викентия Вересаева и Леонида Андреева. На основе сопоставительного метода выявляются общие и отличные черты в реакциях этих писателей-современников на вызовы реальности. Цель статьи заключается в рассмотрении главных вех жизни и творчества писателей и важнейших факторов, обусловивших различие их художественных ориентаций. Отмечены отдельные случаи смены магистральных стратегий искусства этих писателей и выхода за рамки свойственных им «схем» общественного и творческого поведения.

Ключевые слова: *Викентий Вересаев, Леонид Андреев, жизнь и творчество, художественный поиск, литература конца XIX – начала XX века, реализм–модернизм.*

Соположение в рамках литературной схемы «реализм–модернизм» традиционное относительно многих авторов первой четверти XX века. Укладывается в эту систему и творчество рассматриваемых нами писателей. Поставив в один ряд совершенно разных по художественным ориентациям мастеров слова, мы преследовали цель разобраться в факторах, что побудили и в конечном итоге определили «перпендикуляры» в творчестве Вересаева и Андреева при множестве параллелей в ходе личностного становления классиков и формирования их писательского таланта. При этом задачи данного сопоставления – выявить и оценить основные факты их общественной и литературной биографии, обусловившие столь различные реакции писателей-современников на реал-

лии и вызовы времени, – более чем скромны, а исследование в целом не претендует на специализированную сравнительно-сопоставительную штудию.

Концептуальный аспект. Современная наука далеко отстоит от вульгарно-социологического подхода в оценке этих художников, а именно приятия классовых позиций реалиста Вересаева и сокрушения Андреева – «модерниста» мелкобуржуазного толка. Сегодня фиксируется смещение исследовательского и читательского интереса в сторону оригинального новаторства Андреева, что, впрочем, не исключает внимания (пусть и уменьшившегося в разы) к классичности реалистического отображения общественных подвижек Вересаевым.

Сосуществование кардинально различных методов художественного воспроизведения действительности вытекало из общих требований искусства начала века к поиску новых путей своего развития. Литература и реалистически ориентированных, и «модерниствующих» художников выковывалась в единых социально-исторических условиях, при очевидном сходстве (но далеко не тождестве!) факторов культурного и общественного влияния. Это во многом определило движение Вересаева и Андреева в одном направлении в начале своего творческого пути. Однако первоначальная общность писательских устремлений имела место скорее в предмете изображения, нежели в характере его освещения. Впоследствии единство расторглось, и авторы пошли не просто по пути разных вариантов критического реализма (как определяла советская наука 70–80-х гг. XX века), а противоположащих художественных направлений в индивидуальной художественно-творческой самореализации.

Семья. Образование. Определение писательской стези. Принадлежность семьи Вересаева к кругам интеллигенции предопределила «благородный» род занятий будущего беллетриста с дипломом историка и врача. Многие ею было предначертано и в писательском кредо «летописца» судеб русской интеллигенции. Определённый достаток семьи позволил Вересаеву не думать о хлебе насущном, без особых волнений получить образование. Андреев же, принадлежа к семейству разночинцев, что периодически пребывало на грани бедности и нищеты, в своей страсти к чтению, живописи, а позднее писательству был скорее исключением из среды, где презирались накрахмаленные воротнички [6, 27–28] (но не из семьи, где все дети развили свои таланты).

Для обоих писателей предметом страстного увлечения с раннего возраста стало чтение. Внимание подростков концентрировалось вокруг прозы Тургенева, Глеба Успенского, Гаршина, затем статей Толстого и поразившего обоих Писарева. В юности оба были знакомы с

широчайшим кругом отечественной и переводной художественной классики, с той разницей, что в читательских увлечениях Андреева особое место заняли труды философов-волюнтаристов.

Оба писателя – выходцы из провинции (Тула и Орёл), но с заветной мечтой о столичном высшем образовании, впоследствии осуществившейся. С разницей в семь лет Вересаев и Андреев были студентами Петербургского университета. Вересаев блестяще закончил историко-филологический факультет, получив степень кандидата исторических наук. Андреев же покинул стены этого университета, продолжив учёбу по юридической специальности в Москве, где и получил диплом второй степени и звание «действительного студента». Учёба в целом у Андреева вызывала довольно противоречивые чувства: жажду науки и её неприятие. Выбор специальности носил, по всей вероятности, случайно-прагматический характер: либо по «методу остатков» (Н. Фатов), либо по принципу «куда все, туда и я» (Л. Афонин). Профессиональные предпочтения Вересаева отличались большей осознанностью: если первое историческое образование не в полной мере отражало его увлечённость литературой, то второе, медицинское, как ни парадоксально, максимально реализовало давно оформившееся желание стать писателем. Для его реализации Вересаев полагал необходимым понимание «биологической» стороны человека, а, следовательно, нуждался в ином, негуманитарном, знании [3, 23]. В дальнейшем постоянная врачебная практика давала Вересаеву широкое поле для творческих наблюдений. Не менее богатой на жизненный материал была и профессия юриста, которой овладел Андреев. И хотя сугубо юридической практики у Андреева было немного, но работа судебного репортёра позволила ему совместить правоведческие знания с «отшлифовкой» писательского таланта.

Творческий дебют обоих авторов пришёлся на студенческие годы. Однако начало своей литературной деятельности они ведут от других своих ранних опытов. Так рассказ «Загадка» (1887) ценится Вересаевым как программное произведение о воодушевляющей силе искусства; рассказ Андреева «Баргамот и Гараська» (1898) продолжал традицию демократической литературы 80-х годов повествованием о жизни человека низов. Уже в этих рассказах угадывалась писательская манера каждого: у Вересаева – художественно-публицистический пафос деятельных устремлений личности в процессе своего самоопределения; у Андреева – тяга к «пустячкам», в каждом из которых запечатлён «целый мир» (Т. Я. Ганжулевич).

Ранние вересаевские публикации интереса критики не вызвали, а настоящий успех к прозаику пришёл через восемь лет, после издания повести «Без дороги» (1895). Публикация же «Баргамота и Гараськи»

Андреева была более чем успешной: к удивлению автора, писавшего среднюю «гадость» на заказ [2, 133]. В тот же 1898 год – год успеха Андреева – упрочивается и положение Вересаева как незаурядного беллетриста, в связи с выходом его первого сборника «Очерки и рассказы» и жаркой полемики вокруг него.

Социокультурное поле. Личностное становление Вересаева и Андреева пришлось на 80–90-е годы XIX века – время обострившегося мировоззренческого поиска в связи с «буксованием» некогда прогрессивных программ: толстовства, народничества, теории «малых дел» и пр. После знакомства в конце 90-х гг. с легальными марксистами Вересаев приходит к осознанию новой линии общественного поведения, далеко отстоящей от народничества. К началу 1900-х гг. окончательно формулируется андреевская позиция обречённого на сомнения бунтаря («бунтовать – пока бунтуется» [3, 35]) и скептика, любящего жизнь, но страшась ее роковых сил.

Обоими авторами рано была уяснена проблема «бездорожья», но, следует признать, на существенно разнящихся основаниях. Идейное перепутье Вересаевым сопрягалось с процессами самоопределения русской интеллигенции, а у Андреева оно несло отпечаток субъективно-личностных терзаний [1]. Вересаеву всегда претила атмосфера аполитизма и безучастности людей, будь то атмосфера кутежей и любовных увлечений эстонского Дерпта (где Вересаев получал медицинское образование) или «либерализм» москвичей, в частности, членов «Среды» [3, 33]. Пассивностью Вересаев объяснял участие в ней Леонида Андреева [3, 33]. При этом, несколько дистанцируясь от «средовцев», Вересаев отмечал отдельные точки соприкосновения с Андреевым, в частности, по вопросам влияния на человека «среды, наследственности, физиологии, возраста» и по проблеме «непрочности всего, к чему приходишь «разумом», мыслью» [3, 33].

Различная степень вовлечённости писателей в общественную жизнь не исключила совпадений в их политических симпатиях. Оба были участниками нелегальных организаций своего времени. Оба пострадали от этой связи, подверглись политическим преследованиям клейму «неблагонадёжных». При этом доля «участливости» каждого различна: инициативное вовлечение Вересаева в гущу самых острых общественных вопросов и «сочувственное» [5, 168] членство Андреева.

На фоне различной, но устойчивой динамики социально-политических устремлений писателей странным может показаться кардинальное смещение векторов их общественной активности в годы Первой мировой войны. Тогда теплившиеся в душе Андреева чаяния грандиозных перемен выразились в живейшем патриотическом призыве к борьбе с Германией–агрессором. А дух борца и активиста Вересаева, знав-

шего войну воочию, в эпоху новых вооружённых столкновений словно не возымел подпитки, и как автор Вересаев практически избегал писать об этой войне [4, 344], не вдохновившись ею на сколько-нибудь значительные произведения [8].

Общий творческий контекст. Творчество Вересаева и Андреева как писателей-современников не осталось без внимания критиков, которыми оно помимо прочего рассматривалось и в сравнительно-сопоставительном ракурсе. Наиболее красноречивой в своих оценочных координатах является, на наш взгляд, статья критика Ф. С. «Идеалисты высот и идеалисты бездны». В ней автор говорит не только о различиях в предмете и характере изображения Вересаева и Андреева, но и определяет героев их повестей «На повороте» (1901) и «Мысль» (1902) как антиподов, о чьих амплуа и сигнализирует заголовок статьи. «Главное и существенное различие между ними, – заключает критик, – состоит в том, что герои повести Вересаева хотят посвятить себя благу общему и в этом своём стремлении доходят до самоотвержения, а герой рассказа г. Андреева не знает другого Бога, кроме себя самого» [9].

При существенном различии социокультурных векторов, определивших движение литературной мысли внутрь индивидуальности (у Андреева) и во вне (у Вересаева), вполне ожидаемо отсутствие у писателей общих тем. В кругу масштабных конфигураций (тем и идей) у столь разных авторов, действительно, мало совпадений, в области же малых сходств (подобий настроений, ощущений эпохи, внимание к одним и тем же историческим фактам и пр.) пересечений много больше. Прежде всего отмечается сопряжение мотива пути-дороги, центростремительного для творчества Вересаева (идея «бездорожья» в произведениях «На повороте», «Без дороги», «На мёртвой дороге», «В тупике»), интегрированного в комплексе «дорожных» акцентов-символов у Андреева (финалы повестей «Жизнь Василия Фивейского» и «Сын человеческий», мотив дороги-Голгофы в рассказе «В тёмную даль» и особенно романе «Сашка Жегулев», дорога в ад в очерке «Номо» и др.).

В сопричастности к теме выбора пути-самоопределения авторами разрабатывается и тема разрыва старшего и младого поколений, например: рассказы Вересаева «Порыв» (1889) и Андреева «В тёмную даль» (1900). Преодоление сопротивления среды «отцов», разрыв с идеей «счастья в жертве», мучительное (и определённо мученическое) становление фигуры миссионера объединяет повесть Вересаева «Без дороги» и роман Андреева «Сашка Жегулев» – произведения, написанные с разницей в десять лет.

Наиболее яркое совпадение – тема русско-японской войны, к которой писатели не могли остаться безучастными. Действительно, оба автора выступили с ярким осуждением массовых убийств. При этом Ве-

ресаев пошёл путём раннего Толстого, натуралистично изображая военный быт и предельно достоверно передавая окопную правду. Андреев же прибегнул к совершенно иной стилистике изображения – материализации безумных чувствований героев. Отражение Вересаевым и Андреевым событий этой войны наглядно показало, как различны эти авторы в своём восприятии человека и факторов экстраординарного влияния на него. «На войне. Записки» и «Красный смех» дали различные художественно-стилистические варианты изображения войны – трезво реалистического повествования о ней и экспансивно предвосхищающего чувствования её угроз.

Интересен факт своеобразной смены творческих ориентаций писателей, которые, казалось, «укоренились» каждый в своём методе художественного воспроизведения реалий. Повесть «К жизни» (1908) своей «тягой к философскому идеализму» (В. Ленин) стала своеобразным исключением из «вересаевского» контекста. В этой «неудаче» (по оценке советского литературоведения и самого автора) Вересаев попытался передать «настроения и переживания молодежи после разгрома революции 1905 года» («Записки для себя»), представить свои суждения о смысле жизни в нехарактерной ему «ренегатской» манере. Сам факт обращения к тому материалу, с которым легко справлялся бы тот же Андреев в силу своей идеологической непредубеждённости и провидчески чуткого распознавания душевных изгибов, примечателен и заслуживает нового незаангажированного осмысления. А наиболее, так сказать, «неандреевским» является рассказ «Полёт», которым автор разбавил свою пантрагическую палитру, впервые за долгие годы противопоставляя страху смерти жизнеутверждающую ноту (рассказ имеет подзаголовок «Надсмертное»). В нём и ряде других произведений, написанных в 1906–1908 гг. («Цветок под ногою», «Возврат», «Он», «Воскресение для мёртвых»), «оценки таких глобальных бытийных категорий, как жизнь и смерть, добро и зло» у Андреева оказываются «менее однозначными и более гибкими» [7, 604].

Выводы. Объединяющим во всей картине против- и соположений Вересаева и Андреева является и тот факт, что художниками с неизменными, догматически выверенными позициями они не стали: Вересаев не «возрос» до полноправного марксиста, не стал и истовым певцом большевистской революции; Андреев вообще казался непоследовательным в своих, с одной стороны, бурных, с другой, созерцательно отстранённых реакциях на бурлящие события, а в искусстве – явил чудаковатый синтез. Обоим это стоило не только потерей приятельства друг с другом, но и с теми, кто чётко определился с идеологическими и творческими доминантами (в частности, оба «утратили доверие» Максима Горького) и удалением от магистральных путей художе-

ственного творчества, пришедшегося у обоих на межреволюционные 1910-е годы: Вересаев углубился в литературно-философско-исследовательскую и переводческую деятельность, а Андреев – в публицистическую.

Проделанное нами сопоставление может и должно быть продолжено. Перспективным видится изучение жизни и творчества этих авторов как в границах науки о писателях, при анализе и комментировании их произведений академической наукой, так и в рамках компаративных исследований творчества авторов-современников.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Дневник. 1891–1892 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 81–141.
2. Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. М., 2009. 296 с.
3. Вересаев В.В. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. М., 1961. 536 с.
4. Волков А. Леонид Андреев и литературный распад // Очерки русской литературы конца XIX–XX века. М., 1955. С. 405–425.
5. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб, 2010. 738 с.
6. Кен Л.Н., Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. 432 с.
7. Козьменко М.В. Комментарии // Андреев Л. Н. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М., 1994. С. 602–638.
8. Фокин П.Е. Первая мировая война: ненужный опыт. Глядя на русскую литературу XX века. Режим доступа: <http://www.ergojournal.ru/?p=2451> (дата обращения: 07.06.2014).
9. Ф.С. Идеалисты высот и идеалисты бездны // Северный край, 1902. № 206, 207 (6 и 8 августа).

VICKENTIY VERESAEV – LEONID ANDREEV: VITAL PARALLELS AND CREATIVE PERPENDICULARS

Ikityan Lyudmila Nodarievna,

*Ph.D., Associate Professor of Institute of pedagogical
education and management (branch) in Armyansk,
Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Armyansk, Crimea Republic, Russia),*

tel.: +7 (36567) 3-29-58, e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

In an article in the biographical, social and literary contexts compared Veresaevs and Andreyevs life and creative discourses. Identify common and different features in the reactions of the writers on the contemporary challenges of reality. The article describes the main milestones of the life and work of writers and the most important factors behind the difference in their artistic orientations. Noted individual cases of change of the main strategies of art writers and go beyond their inherent «schemes» of social and creative behavior.

Keywords: *Vincent Veresaev, Leonid Andreyev, life and work, the artistic search, the literature of the late XIX – early XX century, realism, modernism.*

References

1. Andreev L.N. Dnevnik. 1891–1892 gody [Diary. 1891-1892] // Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1991 god [Yearbook of the manuscript Department of the Pushkin house for 1991]. St. Petersburg, 1994. Pp. 81–141.
2. Andreev L.N. Dnevnik. 1897–1901 gody [Diary. 1897-1902]. Moscow, 2009. 296 p.
3. Veresaev V.V. Sobraniye sochinyeniy v pyati tomakh [Works. In 5 volumes]. Moscow, 1961. Vol. 5. 536 p.
4. Volkov A. Leonid Andreev i literaturnyi raspad [Leonid Andreev and the literary decomposition] // Ocherki russkoy literatury konca XIX–XX veka [Essays on Russian literature of the end XIX–XX century]. Moscow, 1955. Pp. 405–425.
5. Iyezuitova L.A. Leonid Andreev i literatura Serebryanogo veka: Izbrannye trudy [Leonid Andreev and literature of the Silver age: Selected works]. St. Petersburg, 2010. 738 p.
6. Ken L.N., Rogov L.E. Zhizn Leonida Andreeva, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami [The life of Leonid Andreyev, told by himself and his contemporaries]. St. Petersburg, 2010. 432 p.
7. Kozmenko M.V. Kommentarii [Comments] // Andreev L.N. Sobraniye sochinyeniy v shesti tomakh [Works. In 6 volumes]. Moscow, 1994. Vol. 4. Pp. 602–638.
8. Fokin P.Ye. Pervaya mirovaya voyna: nenuzhnyi opyt. Glyadya na russkuyu literaturu dvatsatogo veka [The First World War: experience unnecessary. Looking at Russian literature of the twentieth century]. Available at: <http://www.ergojournal.ru/?p=2451>, accessed 07.06.2014.
9. F.S. Idealisty vysot i idealisty bezdny [Idealists heights and idealists of the abyss] // Severnyi kray Journ., 1902. No 206, No 207 (sixth and eighth of August).